

ВВЕДЕНИЕ

*Повсюду вечность шевелится,
И все к небытию стремится,
Чтоб бытию причастным быть...*

И. В. Гете

У каждой науки есть свой выработанный формат, стандартные требования к тому, каким должен быть научный текст. Среди этих требований выделяются такие, как дискурс и стиль. Это своеобразный «дресс-код» на допуск данного текста в сферу науки. Рационалистическая философия стремится подражать естественным наукам, копировать и использовать их методологию, критерии объективности и проверяемости. Кроме того, как отмечал И. Пригожин, в XX веке в европейском сознании сложилось представление, что «наука является материалистическим, редукционистским, детерминалистическим феноменом, полностью исключаящим время»¹. Но поскольку философия не может отвечать этим стандартам и гарантировать объективную, проверяемую истинность, то у позитивистов возникли сомнения — вправе ли она считаться наукой. Вслед за ними, А. Л. Никифоров в ответ на вопрос «Является ли философия наукой?» — отвечал категорическим «нет». Более того, по его словам, «отождествление нашей философии с наукой наносит ей... немалый вред»². При этом он, правда, не делает оговорку, что под наукой он понимает естественные науки.

Однако еще в XIX веке была осознана необходимость различать науки о природе и науки о культуре (или о духе), и предлагали исследовать различие методологических оснований этих классов науки. Академик Б. В. Раушенбах сопоставляет точные науки и науки о человеке, полагая, что «точные науки» не должны игнорировать чувственно-интуитивные методы познания³. В нашей концепции сопоставляются четыре группы наук: естественные, технические, социальные и гуманитарные. Претендуя на статус гу-

¹ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 47.

² Никифоров А. Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. 1989. № 6. С. 53.

³ См.: вопросы философии. 1989. № 4. С. 110–113.

манитарной науки, философия опирается на иные критерии научности, нежели естествознание⁴. Можно сопоставить в табл. 1 сравнение этих критериев:

Таблица 1

<i>Естествознание</i>	<i>Философия</i>
Объективность	Объективность и субъективность
Опора на реальные факты, проверяемость на практике	Опора на вероятно достоверные факты, убедительность (вера, доверие)
Дифференцированность и дискретность	Системность и комплексность
Рациональность	Рациональность и иррациональность
Конкретность	Конкретность и абстрактность
Логичность (индуктивность)	Диалектика
Материальность (чувственно воспринимаемая вещественность)	Умопостигаемое (духовное)
Монизм (однозначность, одномерность)	Плюрализм (многомерность, многосторонность)
Количество	Качество
Полезность	Ценность
Истинность	Достоверность

Естественнонаучные знания опираются на чувственное восприятие и индуктивный метод, используют критическую проверку объективной достоверности конкретных фактов, на основе которых могут быть выстроены теоретические прогнозы. Сведения, получаемые из этих наук, должны быть количественно измерены, рационально обоснованы, логически взаимосвязаны, однозначно истинны, — иначе принимаемые на их основе решения могут привести к серьезным ошибкам и гибели людей. Успехи естественных наук создали иллюзию, что только эти методы являются научными, никаких других научных методологий быть не может.

В той трактовке диалектики, которую выработали в нашей стране, противоречие (практически любое, объявленное диалекти-

⁴ См.: Пивовев В. М. Методология гуманитарного знания. Петрозаводск, 2015. С. 9–10.

ческим) приводит к однозначному решению проблемы. Так в теории, на практике большинство противоречий невозможно привести к однозначному, рациональному результату. А там, где пытаются навязать решение с помощью насилия, результат получается плачевный (как это фиксирует знаменитая формула В. С. Черномырдина).

Рационализм, господствующий в современном естествознании, агрессивно навязывается во всех научных дисциплинах. Критериями научности предлагаются измеримость и проверяемость с помощью приборов, поскольку человеческие рецепторы считаются несовершенными, поэтому им не доверяют. Если где-то пытаются от такого рационального «объективизма» отказаться, вмешивается «комиссия по лженауке», приклеивает соответствующий ярлык, сопровождающийся административными мерами. Активный критицизм используется как инструмент блокировки гуманитарных и даже социальных наук.

Детерминистское видение мира заставляет представлять Космос как огромные часы, которые были заведены когда-то Творцом. В основе такой точки зрения — однозначные причинно-следственные связи, а случайность рассматривается лишь как недостаток знания. О таких рационалистах писал в «Фаусте» И. В. Гете:

*Кто хочет что-нибудь живое изучить,
Сперва его всегда он убивает,
Потом на части разнимает,
Хоть связи жизненной, — увы! там не открыть.*

Как справедливо указывают авторы монографии «Критика немарксистских концепций диалектики XX века»⁵, вслед за Гегелем проблемы диалектики стали активно разрабатываться под разными углами зрения во второй половине XIX века. Эти концепции возникли как реакция на рационалистический панлогизм Гегеля, как «неоромантическая» реакция на позитивизм естественных наук, как проявление роста индивидуализма и субъективизма, основанных на протестантизме и «философии жизни». В числе первых открытое наступление на господство и диктат рационализма предпринял А. Шопенгауэр.

⁵ Критика немарксистских концепций диалектики XX века. М., 1988.

Сегодня для многих физиков и других ученых естественно-научного профиля уже очевиден методологический кризис рационализма: «Физика примирилась с тем, что случайность может быть носителем знания, а не выражением незнания, как считала веками европейская мысль. Физика признала существование реальности, которая не регистрируется физическими приборами. Физика оказалась способной признать право на существование парадоксов внутри собственных теорий»⁶. Идет поиск новых методологических подходов для преодоления этого кризиса. Необходимо назвать и некоторых философов, которые вносят большой вклад в эти поиски — это П. Фейерабенд, Т. В. Адорно, Г. Башляр. Скромный вклад в эти поиски пытается внести и автор предлагаемой книги.

Основная ошибка рационалистов заключается в отождествлении разума и рассудка. Она обусловлена тем, что латинское слово *ratio*, обозначало одновременно и разум, и рассудок, и рациональность. При этом подходе игнорируется то, что разум человека опирается не только на рациональное, левое полушарие головного мозга, но и на правое, эмоциональное (иррациональное). Сегодня, слава богу, начинается осознание важности *эмоциональной компетентности*, без которой невозможно достижение сплоченности коллектива на эффективное взаимодействие и достижение максимальной производительности труда. Однако в нашей стране до сих пор живы пережитки иллюзий и надежд на рациональность научного управления обществом, а также убеждение, что разум и рациональность — это синонимы.

Идеалы рационализма — однозначность и объективная измеримость. Предполагается, что каждый термин, употребляемый в научном тексте, имеет одно значение, выражает конкретное понятие. Рационализм есть, по существу, лишь стремление к четкой однозначности употребляемых понятий (выраженных в терминах), есть мечта о том, чтобы каждое слово обозначало единственный (всем понятный смысл). Это трудно достижимый идеал, ибо каждый

⁶ *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального. М., 1995. С. 7–8; см. также: *Налимов В. В.* Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989. С. 16; *Налимов В. В.* В поисках иных смыслов. М., 1993. С. 84–95; *Капра Ф.* Дао физики: Исследование параллелей между современной физикой и мистическим Востоком. СПб., 1994; *Ирхин В. Ю., Кацнельсон М. И.* Крылья Феникса: введение в квантовую мифофизику. Екатеринбург, 2003.

ученый нередко вкладывает свой взгляд на вещи в употребляемые термины, что затрудняет понимание со стороны других. В этом плане математика является воплощением такой мечты, в других науках недостижимой, поскольку достичь такой однозначности практически невозможно, ибо вмешивается многозначность обычного языка.

Второе важное требование — измеримость в количественных единицах (восходящее к Пифагору и Платону, часто приписываемое Галилею, но повторенное и другими учеными, утверждение: «в каждой науке столько науки, сколько в ней математики»). Относительно одинаковости этих единиц еще можно с трудом договориться. Однако, далеко не все объекты могут быть измерены количественными мерами, еще сложнее с качественными характеристиками, поэтому нередко используются относительные и сравнительные характеристики и оценки. Например, теорема Курта Гёделя о *неполноте* достаточно богатых формальных систем, которая показывает, что в этих системах есть высказывания (аксиомы), истинность или ложность которых невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

В отличие от этого иррационализм есть трезвое признание многозначности понятий. Иррационалисты признают это и строят постижение мира на основе такой многозначности. Например, в российском идеологическом сознании есть такой концепт как «правда», к которому апеллируют все, полагая, что правда для всех одна, хотя, на самом деле, каждый человек понимает ее по-своему. Западное сознание стремится к рациональной четкости и логике, восточное — логику ценит гораздо меньше, гораздо больше доверяя интуиции и коллективистскому основанию объективности.

Рационалисты полагают, что они руководствуются однозначными категориями в рамках трехмерной (в смысле пространственной метафоры ментальности) картины мира, но фактически они мыслят одномерными (линейными) схемами. Это можно подтвердить, если вспомнить сколь высоко ценится последовательность причинно-следственных связей.

Тактильное и вкусовое восприятие почти ничего не сообщают о пространстве, разве что о температуре. Отсюда понятно, что это рецепторы непосредственного, *близкодейственного* восприятия. Материализм — «близорук», материалист «видит» лишь то, с чем непосредственно контактирует, не видит перспективы, не всегда предвидит последствий.

Слух и зрение — рецепторы *дальнего действия*, они формируют опыт пространства. Пространственность — результат, главным образом, зрительного восприятия, которое постепенно начинает доминировать, создает образец, модель осмысления, предлагаемую другим рецепторам. Даже представление о времени складывается на основе пространственных метафор «волны», «круга», «лестницы», «реки».

Диалектика характеризует умопостижимое, логику мыслительных процессов, но материалисты (под влиянием Гегеля, отождествившего мышление и объективный мир) пытаются переносить законы диалектики из сферы умопостижимого в чувственно воспринимаемый (вещественный) материальный мир (см. *табл. 2*). В результате диалектикой привычно называют учение о развитии и становлении мира в целом.

Таблица 2

<i>Чувственное</i>	<i>Умопостижимое</i>
Реальное, материальное	Идеальное
Воспринимается рецепторами	Постигается умом
Ограничено параметрами рецепторов	Определяется интеллектом, опытом, знаниями
Объективно	Субъективно и объективно
Проверяется на практике	Проверяется умом, логикой, опытом
Имеет место в пространстве, протекает во времени	Вне пространства и времени, но в сознании и памяти
Количественные и качественные характеристики	Качественные и ценностные характеристики

Многочисленные марксистские труды по проблемам диалектики имели целью «приручить» ее и сделать инструментом преобразования и «научного» управления обществом и материальной (физической, вещественной) реальностью. Напомним, что кроме трех общеизвестных форм власти (законодательной, исполнительной и судебной), К. П. Петров указывал дополнительно на информационную (средства массовой информации и система образования) и концептуальную (философию, формирующую мировоззрение общества) власти. По верному заключению Г. Левина, истина — не самоцель, она необходима для формулировки «рациональных

предписаний», которые затем необходимо воплотить в рациональные практические действия по удовлетворению потребностей на пути ко всеобщему счастью. «Диктатура большевиков, в отличие от других диктатур, обосновывала свое право на власть еще и философски»⁷. Следовательно, рациональность — это предписание, которое является воплощением идеологической власти и подчинения масс руководящим указаниям правящей элиты. При этом несложно догадаться, что иррациональность — симптом неподчинения, неуправляемости, автономной самостоятельности. Отсюда недалеко до «мыслепреступления» (термин Д. Оруэлла) и административных мер по «нейтрализации» иррационализма.

Советские марксисты декларировали определение диалектики как теории развития, но на деле она является имитацией развития, «бегом на месте», псевдо-развитием. А. Бергсон справедливо указывал, что рациональная логика способна лишь к самым примитивным видам творчества, таким как комбинаторная «кентавристика» (берется нечто, соединяется с другим и получается новое), принципиальная новизна на такой основе невозможна.

Почему современным философам трудно отказаться от привязанности к материализму? Да потому, что она опирается на древнейшие формы рецепции — тактильную и вкусовую. Этому опыту подчиняется работа и опыт более поздних рецепторов — слухового и зрительного. Итак, материализм — это философия даже не обезьяны, а червяка, у которого нет зрения и слуха, но есть лишь тактильные и вкусовые рецепторы.

Вместо такой примитивной и упрощенной ориентации в процессе освоения мира мною была предложена восьмимерная парадигма: материальное и духовное, рациональное и иррациональное, объективное и субъективное, реальное и идеальное⁸.

Логика рационального мышления опирается на однозначную, одностороннюю точку зрения. Но если представить себе схематическую триаду Фихте — Гегеля, то легко заметить в ее основе *последовательный* переход с одной (одномерной) точки зрения на другую (также одномерную), и, наконец, на третью. Такое последовательное причинное отношение уместно в вещественном (материальном, чувственно воспринимаемом) мире, но не очень плодотворно в социальной и умопостигаемой духовной сферах.

⁷ Левин Г. Истинность и рациональность. М., 2011. С. 4.

⁸ См.: Пивоев В. М. Философия и методология науки. Изд. 2-е. М.; Берлин, 2014. С. 140–159.

Время имеет волновой характер, но правополушарное мышление останавливает эти волны и анализирует их как статичные, дискретные состояния в разные моменты. Как ни парадоксально, но материалистическая трактовка диалектики предлагает изучать движение так, как это делал когда-то Зенон Элейский, а именно — отождествляя движение и покой (неподвижность). Другим парадоксальным требованием было утверждение материалистического и диалектического *монизма*. Как заметил Д. Тейлор, «ученым не нравятся факты, не поддающиеся исчислению, эмоциональные, “примитивные”, даже если ЭТИ факты управляют ЛЮДЬМИ в большей степени, чем практичность и рациональность. Следовательно, они склонны преуменьшать или даже игнорировать их»⁹.

Проблема *точки зрения* в акте мышления связана с выбором системы координат (в связи с метафорой пространственности), где определяется обычно *одна* точка, на основе которой «рассматривается» объект. Но почему «одна», а не две, три и более? Является ли этот монизм обязательным, обусловленным физиологически (нервными механизмами) или это привычка, удобный опыт, навык, от которого мы не можем отказаться? Так, мы привыкли пространство нашего мира осмысливать как трехмерное и не можем (пока) мыслить четырехмерно. Или все дело в практической деятельности в материальной сфере, где действуют однозначные причинные связи?

Мешает также выработанная рационализированным марксизмом привычка абсолютизировать роль *причинности* в понимании источников изменений в отношениях вещей и людей, равно как представление *истины* как цели научного познания. Истина опирается на необходимое и достаточное объективное основание. А сколько необходимо и достаточно? Ответа нет, и здесь подключается *вера*, опирающаяся на субъективные представления о достаточности оснований. При этом нередко срабатывает такой механизм: многократно повторенная гипотеза приобретает статус проверенной теории. Косвенные доказательства становятся фундаментом представления об истинности.

Автор не пытается отменить, зачеркнуть, опорочить ту работу, которая была выполнена советскими марксистами по разработке проблем диалектики (список обобщающих трудов приведен в приложении). Просто необходимо пойти дальше, для этого предлагаем

⁹ Тейлор Д. Белое самосознание: Расовая идентичность в XXI веке. М., 2014. С. 185.

посмотреть на диалектику с другой стороны, которая была под догматическим запретом в силу идеологических и методологических оснований (не причин).

Центральный вопрос философии «зачем?» опирается на решение задач познания, осмысления, освоения, понимания. Познание — это обретение знания, осмысление — это выявление смысла, связи с потребностью, освоение — принятие в мир «своих» смыслов, понимание — схватывание, овладение сущностью.

Советские критики немарксистской диалектики указывали, что она развивалась преимущественно в связи с четырьмя сферами: 1) экзистенции (например, С. Кьеркегор, Ж. П. Сартр, Г. Марсель); 2) непредсказуемости человеческой истории; 3) стихийности социальных противоречий; 4) мифологического сознания¹⁰. На самом деле, иррациональные проблемы нравственности, эстетического и художественного сознания невозможно исследовать на основе спекулятивной диалектики Гегеля в силу ее односторонней рационалистичности. В основе рационалистического *анализа* лежит зрительное восприятие и сосредоточение внимания на отдельных сторонах рассматриваемого объекта по очереди, последовательно. Такова природа человеческого «левополушарного» мышления.

Конечно, анализ не есть разрушение, это мысленное расчленение сложного феномена, объекта познания на элементы, на части для последовательного познания по частям. «Речь может идти не об отказе от логики — вряд ли, игнорируя ее, можно высказать что-либо серьезное, — а о том *расширительном* ее употреблении, которое позволило бы обсуждать внелогическое в форме, понятной для нас, людей, воспитанных в культуре логики»¹¹.

Наивные романтики полагают, что изменения всегда ведут к лучшему положению. Однако, как правило, они (романтики) в дальнейшем обнаруживают, что вместе с улучшением возникают незапланированные негативные следствия. Нужно очень хорошо и всесторонне взвесить все обстоятельства прежде, чем решаться на изменения и не торопиться их реализовать. «Мудрый» консерватизм полагает, что не следует торопиться с изменениями, перестройкой, нужно научиться ценить те блага и ценности, что есть в наличии, и медленно, целеустремленно приумножать их потенциал.

¹⁰ См.: Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987. С. 5.

¹¹ *Налимов В. В., Дрогалина Ж. А.* Реальность нереального: вероятностная модель бессознательного. С. 3.

В природе нет ничего дискретного, абсолютно прерывного, прерывность возникает искусственно в сознании познающего субъекта (такова специфика мыслительной деятельности левого полушария головного мозга). А реальная природа непрерывна в своем бытии как энергия, которая не уничтожается, но лишь переходит из одной формы в другую. Предположение Гегеля о том, что логика понятий тождественна логике природы не выдерживает критики. Попытка классической немецкой философии расчленять диалектику на пошаговые дискретные этапы — тезис, антитезис, синтез — противоречит реальной нестабильности постнеклассической картины мира.

Почему в европейской науке главным методом считается анализ? Это обусловлено ролью зрительного восприятия, которое воспринимает объект дробно, по частям, отдельным деталям, не теряя связи с целым. Отсюда возникает трехфазность познавательного процесса: 1) наблюдение; 2) анализ; 3) синтез¹². При этом, как замечал Б. М. Кедров, неизбежной становится остановка движущегося объекта, а, значит, его упрощение, огрубление, омертвление¹³. Он рассматривал анализ как диалектическое «отрицание» (целого), а синтез как «отрицание отрицания»¹⁴.

Но возникает вопрос: Почему *«раз-двоение»* единого», а не *«рас-троение»*, *«рас-четверение»*, *«рас-пятерение»*... объекта анализа в процессе диалектического исследования?

Современные материалисты отождествляют *«реальное»* и *«материальное»*, то есть все, реально существующее, по их убеждению, является материальным. Однако если сила духа и воли вполне реальны, то разумно ли их считать материальными?

Стиль характеризует, с какой точки зрения рассматривается любой вопрос (односторонне или многосторонне), показывает степень доверчивости или критичности, использование логики, традиционность или инновационность, степень сложности видения мира, использование метафор (притч) или непосредственное представление сущности вещей, субъективность или объективность, спекулятивность или интуитивность, наглядность или абстрактность, догматичность аксиом и т. д. Таким образом, при осмыслении стиля мышления следует учитывать, во-первых, логику и аксиологию;

¹² См.: Кедров Б. М. Противоречивость познания и познание противоречия // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 9–12.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 35.

во-вторых, критичность и доверчивость; в-третьих, аксиоматичность и практику; в-четвертых, реализм и идеализм; в-пятых, линейную или нелинейную (синхронную, многомерную) причинность; в-шестых, рациональность и иррациональность; в-седьмых, доминанту зрительного и слухового восприятия.

Монизм есть стремление привести все к общему знаменателю, тотальному единству и однородности. На самом деле полное единство и равенство в обществе невозможно и недопустимо. Возможно единство в одних отношении и разногласие — в других. Единство может быть временным согласием ради достижения каких-либо целей. Возможно единство по поводу каких-то объективных истин, разделяемых большинством или всеми (что называется консенсусом). В то же время абсолютный плюрализм чреват хаосом и анархией. Как справедливо полагает Л. Н. Столович, необходим «системный плюрализм» как методологический принцип, допускающий и предполагающий различие точек зрения на одну проблему. Какая из них будет выбрана в настоящий момент наиболее справедливой, решается в результате конкуренции различных мнений. В замечательной книге Л. Н. Столовича «Плюрализм в философии и философия плюрализма»¹⁵ хорошо показано господство монизма в марксистско-ленинской философии и обоснована необходимость его преодоления с помощью «системного плюрализма». Плюрализм может быть гносеологическим (способность изучать объект с разных точек зрения), логическим (диалектическим), аксиологическим (толерантным) и психологическим (способность понять иную точку зрения). Ученому, работающему в одиночку, легко впасть в догматизм на основе преувеличения ценности своих результатов. В коллективе же всегда найдется человек, который посмотрит на изучаемую проблему с другой точки зрения и добрыми советами поможет преодолеть односторонность предложенной концепции.

В первой главе монографии предлагается авторская концепция различения рациональности и иррациональности, затем дается краткая (в силу необходимости упрощенная) характеристика рационалистического варианта понимания диалектики. В последующих главах показаны возможные методы и пути использования иррационального (многомерного) понимания диалектики для исследования языковых, моральных и правовых, художественных, религиозных и творческих проблем.

¹⁵ *Столовича Л. Н. Плюрализм в философии и философия плюрализма. Таллинн, 2005.*

Есть философы, которые «мыслят» вслух, как например М. К. Мамардашвили, книги которого читать нелегко; но слушать его лекции в аудиозаписи (жаль, нет видеозаписей) — удовольствие и наслаждение. Другие авторы лучше «мыслят», выражая свои идеи на бумаге. Не у всех это хорошо получается. Так, некоторые молодые аспиранты пытаются подражать современным французским философам и насыщают свои статьи нагромождением терминов, маскируя «умными» словами бедность содержания, отсутствие новых идей.

Писать о сложных вещах просто и понятно — нелегко. Меня в свое время приучила писать быстро и просто работа в газетной журналистике. В качестве наглядного метода демонстрации различия и сходства мною активно используется диалектическое сопоставление в таблице двух (реже трех) смежных понятий, что позволяет увидеть их соотношение и взаимодействие.

Современная наука все глубже погружается в дифференциацию и специализацию, конкретизацию объектов и предметных областей. Каждая научная дисциплина дробится на десятки таких подразделений, когда биолог, работающий в одной такой области, уже плохо понимает коллегу, работающего в другой близкой сфере. То же самое можно обнаружить и в гуманитарных науках. В этих условиях мало кто из узких специалистов отваживается на выстраивание абстрагированных теоретических моделей даже в пределах своей дисциплины, не говоря уже о междисциплинарных и общенаучных. Тех, кто все же рискует за это браться, с легкостью обвиняют в том, что такие абстрактные теории поверхностно судят о том, что является предметом обсуждения. На самом деле, философия может рассматривать проблемы с некоторой дистанции, отвлекаясь от конкретных частностей.

Автор предлагаемой читателю книги отдает себе отчет в необъятности и глубине затрагиваемых им проблем, а также в дискуссионности выдвигаемых им идей, но выражает надежду, что они будут провоцировать дальнейшие размышления и развитие исследований поставленных проблем. Едва ли плодотворен пересказ известных представлений и теорий диалектики, краткий список обобщающих трудов представлен в списке литературы в приложении. Важнее высказать свои мысли и предложения по поводу диалектики, посмотрев на нее с иной, непривычной стороны. Не претендуя на окончательное и исчерпывающее их исследование, он предлагает посмотреть на них с другой стороны, или лучше сказать, с разных сторон. Не только с привычной рациональной, но еще

и иррациональной, а также с учетом взаимодополнительности материального и духовного, объективного и субъективного, реального и идеального. Не отрицая рационального метода, можно его дополнить, говоря словами В. В. Налимова, «наш подход... заключается в том, чтобы сделать рационализм более изощренным и гибким — совместить его с личностным началом, находящим свое проявление в смыслах, не схватываемых традиционными рационалистическими построениями»¹⁶. Методологическая установка при этом — не заикливаться на конкретных деталях, но выстраивать абстрактную перспективную трактовку, сопоставляя в таблицах разные стороны или сходные объекты, выявляя различия и сходство.

¹⁶ *Налимов В. В.* Спонтанность сознания. С. 18.

1. РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ

*...Разум и чувство — две силы,
равно нуждающиеся друг в друге,
мертвые и ничтожные одна без
другой.*

В. Г. Белинский

Сложность проблемы различения рационализма и иррационализма в том, что нет единого и четкого понимания, что такое «рационализм» и «рациональность». Рационалистов объединяет разве что враждебное отношение к иррационализму.

Что такое «рациональность»? Рационализм как философская методологическая парадигма сформировался в Древней Греции благодаря Аристотелю и получил новый импульс в XVII веке в связи с бурным развитием естествознания, которому нужны были адекватные теоретические «инструменты», аналогичные так называемым «точным наукам» в отличие от схоластических, спекулятивных. В отечественной философии до сих пор не преодолена восходящая к марксистско-материалистическому стереотипу установка на отождествление рациональности и разумности. Это обусловлено тем, что латинское слово *ratio* переводится обычно как «разум», хотя в словаре И. Х. Дворецкого упоминаются 22 значения, среди которых указаны такие: «рассудок, разум, основание, доказательство, учение, система, теория, наука, школа, положение, система»¹⁷.

П. П. Гайденко перечисляет девять трактовок рациональности:

1. Рациональность как логическое следование аргументов из посылок.
2. Рациональность как формально-научная доказуемость.
3. Синтетически-интегративная рациональность в смысле кантовской архитектоники разума.
4. Содержательно-научная рациональность как теоретически-научное структурирование.
5. Рациональность как рациональная реконструкция.
6. Рациональность как развитие рациональной экспликации понятий.

¹⁷ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1976. С. 852.

7. Целерациональность.

8. Рациональность в теории принятия решений и стратегическая рациональность.

9. Рациональность в теории игр¹⁸.

Наиболее яркими «отцами» рационализма стали Р. Декарт и И. Ньютон, которые получили хорошее математическое образование (необходимо, правда, сделать оговорки по поводу иррациональных увлечений этих ученых). В математике иррациональными называются выражения, которые не имеют четкого количественного выражения. Соответственно, рациональные числа — это целые, количественно определенные величины. Известно немало случаев, когда в философию приходили математики (Э. Гуссерль, Б. Рассел) и пытались привить философии количественные методы.

В истории философии выделяют такие типы рациональности:

— классическая (XVII — первая половина XIX в.) — полностью игнорировала активность субъекта познания и деятельности;

— неклассическая (вторая половина XIX — начало XX в.) — под влиянием И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля начала учитывать активность субъекта в сфере познавательной деятельности;

— постнеклассическая (XX в.) — учитывает социальные ценности и цели (аксиология и телеология)¹⁹.

Рациональное изначально включало в себя такие характеристики: логичность, объективную проверяемость, фрагментаризацию, механицизм, систематичность, однозначность, преемственность знания.

«Идеалом рационального, — писал П. В. Копнин, — является полная и совершенная дискурсивность: знание разбивается на шаги, каждый из которых является логическим следствием предыдущего, переход от одного шага к другому осуществляется по строгим и известным правилам. Но движение знания неосуществимо без иррационального момента, который интуитивен, свернут и до определенного момента остается логически неоправданным. Однако по мере превращения иррационального в рациональное интуитивное становится дискурсивным. Это превращение предполагает не только рассудочное, но и разумное мышление, создающее новые логические

¹⁸ См.: *Гайденко П. П.* Проблема рациональности на исходе XX века // Рациональность на перепутье. Кн. 2. М., 1999. С. 14–15.

¹⁹ См.: *Смирнова Н. М.* Исторические типы рациональности в социальном познании // Исторические типы рациональности. М., 1995. Т. 1. С. 193–215.

формы»²⁰. Подобного же мнения придерживались и другие философы: «Рациональное, — писал Т. И. Ойзерман, — как и вся познавательная и практическая деятельность людей, исторически обусловлено, относительно, противоречиво. Формы рациональности, которые перестали соответствовать новым историческим условиям, подвергаются отрицанию, то есть преодолеваются продолжающимся развитием. Существует, следовательно, не только рациональное, но и нерациональное. Не следует абсолютизировать эти противоположности: они относительны, подобно противоположностям истины и заблуждения, знания и незнания, что отнюдь не стирает качественного различия между ними»²¹.

В то же время многие философы рациональность ошибочно отождествляли с разумным, целесообразным, логичным, истинным, упорядоченным, осмысленным, но так ли это?

1) Рациональность — не тождественна «разумности», потому что разум включает не только необходимое действие, обоснованное размышлением и здравым смыслом, но и эмоциональное отношение к нему.

2) Рациональность — не сводится к «целесообразности», хотя и может быть вполне целесообразной, вместе с тем иррациональное и эмоциональное часто не менее целесообразно.

3) Рациональность — не «рассудочность», хотя и очень близка ему.

4) Рациональность — не совпадает с «логичностью», хотя в большинстве случаев основывается на логике. Человек совершает милосердный поступок, который окружающим может показаться нелогичным и не рациональным, но отвечающим нравственным инстинктам и душевным порывам.

5) Рациональность — не истинность или «правильность», потому что правила могут быть не вполне справедливыми и противоречить интересам людей.

6) Рациональность — не всегда воплощает «полезность» или «выгодность», как бы ни хотелось экономистам их отождествить.

Рационалистическая методология совершенно беспомощна в изучении таких важных сфер человеческой культуры, как язык, мораль, искусство, религия, телеология и творчество.

²⁰ *Копнин П. В.* О рациональном и иррациональном // Вопросы философии. 1968. № 5. С. 121.

²¹ *Ойзерман Т. И.* Рациональное и иррациональное // Вопросы философии. 1977. № 2. С. 85–86.

Рационализм — это очень часто редукция, схематизация, упрощение. Он удобен для того, чтобы школьнику объяснить какие-то проблемы, которые без такого схематического упрощения ему трудно усвоить. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» марксизм-ленинизм предлагали именно в таком рационализированном виде, потому что малообразованному рабочему трудно было разбираться в сложностях и хитросплетениях «материалистической диалектики», превращенной в предвзятый догматизм²². Но жизнь сложнее любой схемы, ибо в ней присутствуют не только две крайности — черное и белое.

Рационализм уводит нас от субъективности нашей экзистенции, закрывает на нее глаза, делая вид, что не существует интересов и ценностных предпочтений. Грубо говоря, для рационалиста все люди одинаковые биороботы, послушные пешки в шахматной игре. Рационализм удобен для естественных наук, он порожден именно наукой о природе, о «мертвой материи» и служит задачам подчинения этой вещественной реальности материальным потребностям человека.

Иррационализм не отменяет рациональности, но лишь ограничивает, предлагая уяснить возможности этой методологии и разумного использования для решения предварительных задач понимания бытия и экзистенции. Иррационализм не следует догматизировать и абсолютизировать. У него есть свои достоинства и недостатки. Критики скажут, что иррационализм лишен четких критериев достоверности и открывает двери для субъективного искажения и злоупотреблений. Но точно такие же претензии можно предъявить рационализму, который опирается лишь на интуитивные, относительные и вероятностные критерии (вспомним «Правила для руководства ума» Р. Декарта, о чем речь впереди). Относительно объективные и проверяемые критерии рационализм имеет лишь в сфере измеримости в количественных мерах.

В 1926 году французский философ Габриэль Марсель в статье «Экзистенция и объективность» поставил вопрос о необходимости повернуться лицом к человеку и его эмоциональному миру. Но ведь еще Рене Декарт произвел открытие, разделил сферу науки на две части — объективную и субъективную. Прошло еще почти сто лет после призыва Марселя, а «воз и ныне там». Снова приходится задавать тот же вопрос: почему наука и рационалистическая философия «боятся» иррациональности?

²² См.: Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938. С. 99–109.

Как ни парадоксально, однако не существует четкого определения «рациональности». Есть только туманные, иррациональные попытки «ходить вокруг», пытаясь ухватить некоторую сущность, которая ускользает, вытекает сквозь «щели и трещины» разума.

Рациональность пытаются основать на фундаменте *понятия*. Категорию «понятие» предложили стоики. Так, стоик Зенон из Китиона считал понятием представление о предмете, согласованное с объектом. По определению Е. Войшвилло, в логике понятие рассматривается как результат обобщения и выделения предметов (или явлений) некоторого класса с определенными общими и специфическими признаками. «Понятие — целостная совокупность суждений, т. е. мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта»²³.

Как верно указывал Ф. И. Щербацкий, «...чувствами познается *единичная* сущность объекта, а мышлением *общая сущность*»²⁴. По словам Т. Адорно, «понятие обладает архаическими чертами, которые переплетаются с рациональными — это реликты статического мышления и статичного идеала познания в среде динамического сознания. <...> Форма понятия (в этом заключается и ее неистинность) искажает то, что познано и помыслено средствами понятия. В диалектике мышление протестует против архаизмов собственно понятий»²⁵. «Система лишает динамики, тормозит, останавливает все, что сама в себе несет»²⁶.

Для античной философии, под влиянием Аристотеля, рациональность увязывали с логичностью. Но как верно отмечает В. С. Порус, «логичность» и «разумность» не являются синонимами²⁷. В Средние века начали осознавать, что рассудок и разум также не совпадают. Затем И. Кант осознал необходимость различения рассудочной рациональности и разумной. По словам В. С. Поруса, «рассудочная рациональность оценивается по определенным (и достаточно жестким) критериям (законы логики и математики, правила

²³ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 456.

²⁴ Щербацкий Ф. И. Теория познания и логика по учению поздних буддистов. Ч. II. Источники и пределы познания. СПб., 1995. С. 149.

²⁵ Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2003. С. 141–142.

²⁶ Там же. С. 26.

²⁷ См.: Порус В. С. Рациональность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 425.

и образцы действия, каузальные схемы объяснения, принципы систематики, фундаментальные законы и др.). Разумная рациональность — это способность оценки и отбора критериев, их обсуждения и критики, она необходимо связана с интеллектуальной интуицией, творческим воображением, конструированием и т. д. Разумная рациональность выступает как основание критической рефлексии над рассудочной рациональностью»²⁸. Согласно одному из четырех законов формальной логики, «не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятые в одно и то же время и в одном и том же отношении»²⁹.

Естественные науки используют генерализационный подход, опирающийся на общеутвердительных (или общеотрицательных) утверждениях, гуманитарные науки — частноутвердительные (или частноотрицательные) утверждения (дифференцированный подход). Генерализирующий подход, как заметил когда-то И. Г. Хаманн (Гаманн), вопреки установке на использование индуктивного метода, чреват дедуктивностью, то есть теоретические построения, гипотезы, не имеющие статуса абсолютных истин, превращаются со временем, в результате многократного повторения в догматизированные «истины». Конечно, со временем они могут быть опровергнуты и заменены на другие подобные теоретические построения.

Успехи естественных наук вызвали соблазн использовать рациональные методы в науках о духе, культуре и обществе. Эти методы проникли в теологию, психологию, искусствознание. Только И. Г. Хаманн в числе первых осмелился бросить вызов и отвергнуть такие подходы в решении вопросов о происхождении знания и веры, языка и символики, воображения и творчества³⁰.

Рационализм упрощает картину мира до полярных крайностей: или черное, или белое, третьего не дано; «кто со мной не согласен, тот враг и подлежит уничтожению». Отсюда вырастает экстремизм. Однозначность, тотальность и одномерность — неизбежные следствия рационализма.

Об этой склонности к однозначности писал В. фон Гумбольдт: «Человек может *одновременно* приводить в действие только *одну* силу, или, вернее, все его существо *одновременно* настраивается *только на одну* деятельность. Поэтому человеку, по-видимому,

²⁸ См. Порус В. С. Рациональность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 425.

²⁹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. С. 488.

³⁰ См.: Берлин И. Северный волхв. М., 2015. С. 57.

свойственная односторонность, поскольку его энергия слабеет, как только он направляет ее на несколько предметов»³¹.

Рационализм есть поиск достоверной, однозначной истины, которая необходима для практической деятельности. Известная поговорка хорошо выражает сущность рационализма — «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь». Существует стереотипное, ни на чем не основанное, убеждение, что иррациональность чуть ли не синоним аморальности, мракобесия, фашизма, расизма, шовинизма и других форм антигуманизма. Это напоминает нелепую установку, что нож предназначен исключительно для убийства и ни для чего более.

Западная экспансия на Восточные страны опирается на систему рационально-логических принципов, которые пытаются навязать странам Востока под лозунгом «демократии». На самом деле такой «рационализм» защищает корыстную и односторонне выстроенную систему реализации и внедрения принципов выгоды и права сильного подчинять и грабить слабого. И это называется «рациональностью» и «демократией»?! Можно сказать, что российские защитники такого рационализма выглядят то ли наивными романтиками, то ли сознательными врагами общечеловеческих ценностей.

Чтобы преодолеть узость догматического классического рационализма предпринимаются попытки сформировать новые версии рационализма: «неклассического» (М. К. Мамардашвили), «нового» (Г. Башляр), «открытого» (В. С. Швырев), «критического» (К. Поппер и И. Лакатос).

Большую и существенную роль в формировании идеалов классической рациональности сыграли законы механики И. Ньютона и теория причинности Лапласа. Напомним законы механики Ньютона: 1) закон инерции («в отсутствие внешних силовых воздействий тело будет продолжать равномерно двигаться по прямой»); 2) закон ускорения и взаимодействия векторов силы («ускорение движущегося тела пропорционально сумме приложенных к нему сил и обратно пропорционально его массе»; 3) закон действия и противодействия («всякому действию противопоставлено равное по силе и обратное по направлению противодействие»). Эти законы легли в основу динамики и рационального осмысления движения физических тел.

³¹ Гумбольдт В. фон. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства // Язык и философия культуры. М., 1985. С. 30–31.

Рене Декарт сформулировал «правила для руководства ума», которые можно считать выражением его концепции рациональности:

«Первое — никогда не принимать на истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению.

Второе — делить каждое из исследуемых мною затруднений на столько частей, сколько возможно и нужно для лучшего их преодоления.

Третье — придерживаться относительного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи.

И *последнее* — составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений»³². Эти правила, вполне понятные (хотя и не бесспорные) и необходимые в естественнонаучном познании, мало пригодны в гуманитарной сфере, и рациональность их относительна, потому что отсутствуют объективные критерии «очевидности» в первом правиле, во втором неясны «возможность» и «нужность» количества частей, на которые необходимо дробить объект (а зачем дробить?), не уточнена логика «относительности» порядка в третьем правиле, наконец, в четвертом — появляется «уверенность» — сомнительный критерий полноты познания. И все это нам предлагают считать фундаментом рационализма?!

Критерий «очевидности», положенный Декартом в фундамент рационализма, является, по существу, «субъективной достоверностью», которая лежит в основании *веры*. Говоря иначе, рационалист *верит*, что имеет рациональные основания для его научного подхода к реальности.

Для классического идеала рациональности характерны, по указанию М. К. Мамардашвили, следующие особенности:

- совпадение объективного и пространственного;
- пространственное объективно и материально;
- сознание есть объективная достоверность, которая для понимания себя не нуждается ни в чем другом;

³² Декарт Р. Избранные произведения. М., 1950. С. 272.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru